

Филология геноцида и политология победителя или о судьбе Германии и о лингвистической неразберихе в уроках демократии и международного права

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Многие человеческие национальности в мире любят определенные, некоторые их преступные и грязные деяния прямо и открыто определяющие понятия облагораживать посредством перевода их на греческо-латинский. Если бы кто-то захотел таким способом облагородить то, что произошло с немецкими колонистами в России после вынесенного им Советским политбюро 28-го августа 1941-го года смертного приговора, он был бы вынужден определить это на греческо-латинском как геноцид. Тогда бы кто-то другой, возможно даже интересующийся этим, не должен был бы мучительно искать эту историю в толстых томах истории – там все равно про это совершенно ничего не написано.

Этот интересующийся мог бы тогда прочитать про это в любом словаре. В немецком словаре «Вариг»¹, например, можно найти очень скудный и скромный обратный перевод на немецкий:

– Геноцид = Völkermord² [к лат. genus «Geschlecht³, Stamm⁴» + caedere «töten»⁵].

И больше ничего. Просто и кратко. Немцы демонстрируют свой *Political Correctness*⁶ и не хотят в этом понятии особо ковыряться, потому что они после их нацистского прошлого вдолбили себе или скорее им было это вдолбано во время их долгой послевоенной *reeducation*⁷ в демократы со стороны американских победителей, что «геноцид» является обозначением специфически немецкой, только им свойственной и ими присвоенной национальной, да к тому же еще и наследственной, болезни. Болезни, за которую дети и внуки всех немцев со времен войны клеймились, третировались и терроризировались, сегодня все еще клеймятся, третироваются и терроризируются и, как безо всякой склонности к немецким детям пообещал склонный к нелегальным славянским проституткам наркоман и заместитель председателя еврейской общины в Германии, все их последующие поколения будут во веки вечные клеймиться, третироваться и терроризироваться.

Эта краткость, однако, очень запутывает, поскольку позволяет думать, что это как бы другой термин для понятия «война», так как в каждой войне воюющие народы убивают друг друга. Поверхностный читатель, если бы он захотел все же узнать из этого словаря больше об этом, мог бы даже прийти, исходя из содержимого квадратных скобок, к какой-нибудь несурзости типа

---

¹ „Wahrig – deutsches Wörterbuch“, Bertelsman Lexikon Verlag, Gütersloh, 1994, S. 659 («Вариг – немецкий словарь», издательство Бертельсман, Гютерслоо, 1994, стр. 659)

² народоубийство

³ род, пол

⁴ племя

⁵ убивать

⁶ политическая корректность

⁷ переучивание

«убийство наслаждения»⁸, «племенной сидр» или даже «половой акт»⁹. Последнее представляется даже не таким уж и *сдвинутым*, если учесть какое массовое «движение»¹⁰ скотских вагонов понадобилось советским мясникам, чтобы *передвинуть* к своим «бойням» сотни тысяч мужских и женских немецких полов в России.

Так как в хорошем русском такого, как в немецком, состоящего из одного слова понятия как «народоубийство» на самом деле нет, то в изданном в 1955-м году, когда подверженному этому геноциду Отцу-Малышу только-только исполнилось четыре года, словаре иностранных слов¹¹, который совершенно при этом не ссылается на тогдашнюю ситуацию Малыша, можно найти, например, несколько более широкий и не такой скромный – русско-советские люди же официально никогда такого не совершали и поэтому не нуждаются упражняться в той самой *Political Correctness* – обратный перевод, хоть и не прямо на хороший русский, а больше на плохой советский:

– Геноцид [гр. *genos* «род»¹² + лат. *caedere* «убивать»¹³] – уничтожение отдельных групп населения по расовым и национальным (религиозным) мотивам – тягчайшее преступление против человечества, совершаемое империалистами. Г. органически связан с фашизмом и с расистскими «теориями», пропагандирующими расовую и национальную ненависть – господство так называемых «высших» рас и истребление так называемых «низших» рас..

Довольно запутаны вообще-то оба эти обратных перевода. Согласно немецкому, геноцидом нельзя обозвать ни совершенное советскими коммунистами убийство немецких колонистов в России, поскольку если рассматривать этих колонистов как часть немецкого народа, то это и была не определяемая как геноцид война, в которой русский и немецкий народы убивали друг друга без видимых, указывающих на их национальность мотивов; ни совершенное немецкими нацистами убийство евреев, поскольку еврейство – это не национальность, а религия, и поэтому евреи по определению – в смысле объединенного общими языком и культурой сообщества людей – никакой не народ, который можно убивать по никак не определенным в немецком лексиконе мотивам, а некое рассеянное по всему многоязычному и многокультурному миру религиозное сообщество.

По советскому словарю, если так же сляпать только из содержания квадратных скобок что-то типа «убийство *Genos'ov*», можно было бы обозначить, собственно, как геноцид, совершенное Сталиным и его машиной уничтожения убийство собственных «товарищей по партии»¹⁴, особенно, если рассматривать при этом веру в коммунизм, учитывая содержание круглых скобок в словаре, как некую религию.

При дальнейшем анализе советского определения, убийство немецких колонистов как одной из национальных групп многонационального населения России можно было бы все же рассматривать как геноцид, однако опять же

---

⁸ нем. *Genuss*

⁹ нем. *Geschlechtsverkehr*

¹⁰ нем. *Verkehr*

¹¹ «Словарь иностранных слов». Издательство «ГИИНС», Москва, 1955г., стр. 164

¹² нем. *Geschlecht*

¹³ нем. *töten*

¹⁴ нем.: *Genossen*

только в том случае, если бы одновременно было допустимо рассматривать совершавших это убийство советских коммунистов как империалистов, чем они, как исторически известно, никогда не были.

Часть населения еврейской веры в Третьем Германском Рейхе и на оккупированных им территориях как часть всемирной религиозной общины представлена в советском словаре, если даже только и в круглых скобках, все же лучше, чем немецкая часть населения в Советском рейхе и на оккупированных им в 1939 году территориях как часть немецкого народа, и ее убийство частью населения христианской веры в том же Рейхе может быть признано, следуя содержанию этих круглых скобок, и было в конечном итоге признано как геноцид.

Таким образом, эта словарная логика в политическом смысле так же запутана, как и в лингвистическом. Так запутана, что мировые политики похоже либо все еще не знают точно, что означает слово «геноцид», либо каким-то образом не всегда могут этот геноцид опознать, чтобы его потом признать, или же в каком-то конкретном случае не всегда точно знают, в соответствии с каким словарем они должны действовать.

Американцы после Второй мировой войны действовали, очевидно, в соответствии с советским словарем и признали совершенный в Третьем рейхе геноцид над евреями, в то время, когда они охотно, может быть и не очень, однако при дележе и разделе Германии и при вынесении приговоров немцам в Нюрнберге все-таки достаточно союзничали и сотрудничали с Советами и при этом должны были очень усердно закрывать глаза, чтобы умудриться проглядеть приступы геноцида у преступного Советского рейха.

Дело со всеми этими, на первый взгляд бессмысленными, словарно-политико-лингвистическими упражнениями состоит в следующем: геноцид по праву объявлен сообществом народов в международных законах преступлением против *человечности* (а не против *человечества*, как ошибочно утверждается в советском словаре, несмотря на то, что перед этим правильно утверждается, что это преступление только против неких малых национально-религиозных частей человечества), преследуемым по этим законам. Если доказано это преступление, то есть жертва, чей ущерб ей возмещается, и есть преступник, который приговаривается не только к международному презрению, но и к денежному штрафу в размере того самого возмещения ущерба. Тут-то и лежит зарытая собака!

К презрению могут быть приговорены и злые духи – преступный, но уже больше не существующий режим, например. К денежному штрафу могут быть присуждены, однако же, только либо какая-то реально существующая юридическая личность, либо какой-то реально существующий юридический субъект – какое-то государство, например. Провозгласивший Третий Рейх, управляющий им и совершивший этот геноцид нацистский режим был присужден к презрению и его еще оставшиеся в живых представители в лицах были осуждены, приговорены и казнены. И поделом им! Но вот в связи с этим возникли огромные трудности и полный бардак с оговоренным выше юридическим субъектом-преступником.

После того как последние представители нацистского правительства Германии исполнили свои последние правительственные формальности, касающиеся безоговорочной капитуляции вермахта (а не Германии!), и были потом казнены, Германия была аннулирована четырьмя союзными

окупационными властями как государство и вместе с этим как тот самый юридический субъект! И вовсе не с тем, чтобы спасти Германию от претензий на возмещение ущерба и выплату контрибуций, а с тем, чтобы создать на занятой территории Германии некую развязывающую союзникам руки бесправную, то есть свободную от законов, зону.

Из Большой четверки советская сторона нуждалась меньше всего – никогда до этого, а после Большой победы уж и вовсе – оправдывать себя и свой произвол посредством каких-либо юридических трюков. Двум другим сторонам – англичанам Объединенного королевства и представленным Временным правительством Французской республики французам – было еще со времени Версальского четвертования Германии в году 1919-м любое так же мало требующее оправданий средство хороши, чтобы вновь ее четвертовать. Не так борющимся за свободу, справедливость и демократию американцам Соединенных Штатов Америки!

Это была выдающаяся и беспримерная заслуга американских ученых-юристов¹⁵ так интерпретировать и изложить международные законы и статус Германии, чтобы стал немецкий народ на территории Германии бездомным – без государственного крова над головой – и бесправным – без защищающих его и его интересы правовых законов – и должен был допустить творить над собой все с ним после войны сотворенное и по сегодняшней день еще творящееся! Да останется пока в стороне то, что большинство из того сотворенного над ним и над его Отечеством случилось, конечно же, для блага того самого немецкого народа, который должен был сначала быть однозначно переучен и демократизирован, прежде чем он заслужит свой собственный, суверенный кров и получит какие-то демократические, защищающие этот суверенитет и его самого права!

Дело в том, что международные законы однозначно запрещают изменять государственное устройство на оккупированной территории какого-либо ведущего войну государства, делить оккупированную территорию на новые административные области, так же как преобразовывать одну часть оккупированной территории в часть другого государства или уменьшать оккупированную территорию в пользу соседей – короче, все то и еще сверх того, что было по поводу послевоенной судьбы Германии еще в Тегеране решено, в Потсдаме декларировано и в Берлине проведено в жизнь.

Так американские ученые-юристы уже в 1944 году – сразу после конференции в Тегеране, еще до вступления Соединенных Штатов в войну в Европе и задолго до далеко еще не одержанной, если даже уже и наметившейся победы над Германией – получили от своего правительства задание выработать правовые основы для законного обхода международных законов по делу уже решенного послевоенного обхождения с Германией.

Выработанный и принятый еще в 1907 году в Гааге международный закон определяет и регулирует в своих положениях и статус «военной оккупации». Бриллиантное решение и изобретение американских ученых калифорнийского университета¹⁶ состояло в том, что официальный статус пораженной Германии

---

¹⁵ Hans Kelsen „The international legal status of Germany **to be established** immediatly upon termination of the war“ («Международный легальный статус Германии, который **следует** ввести непосредственно после окончания войны»). *The American Journal of International Law (AJIL)*, 1944, p. 689

¹⁶ Hans Kelsen „The legal status of Germany according to the declaration of Berlin“ (Ганс Кельзен «Легальный статус Германии согласно Берлинской декларации»). *AJIL*, 1945, p. 518

ни в коем случае **не имеет права** соответствовать имеющемуся в международном праве статусу «военной оккупации», поскольку Германия после безусловной капитуляции ее вермахта – уже в этой формулировке «вермахта» вместо «Германии» и уже к этому времени Германии было отказано в правовом существовании как побежденная страна – прекращает существовать как суверенное государство! Это было также с научной основательностью обосновано: нету никакого легитимного правительства – сиречь некоего продолжающего действовать и признанного оккупационными властями (ни в коем случае не народом страны!) правительства – нету и никакого государства по имени «Германия».

Таким образом, после того как Германия с ее нацифицированным немецким народом наконец избавилась от банды больших и малых нацистских вождей-преступников, она тут же прекратила существовать как государство и как юридический субъект. Легитимное правительство главного адмирала Дёнитца правда имелось и было даже – хотя и временно – признано союзниками посредством принятия подписанной этим правительством безоговорочной капитуляции, но – после того как оно было ими же упразднено, арестовано и уничтожено – власти-победители чувствовали себя, естественно, по-человечески обязанными перенять заботу об оставшемся без государства немецком народе и о порядке в больше не существующем государстве.

Так исчез статус, однако «военная оккупация» законно осталась. Ах да! Тут еще кое-что – эта оккупация предполагает по тому же международному праву все еще продолжающееся состояние войны. Нету этого состояния – оккупация вообще не имеет права больше быть, занятая территория должна быть отдана назад, оккупационные войска должны быть выведены и военнопленные должны быть отпущены домой.

Нет ничего проще, чем это! Тут политики даже не нуждались просить ученых найти выход и обход. Войны *de facto*¹⁷ – после того, как военные силы Германии были выведены из состояния вести ее дальше и капитулировали – правда больше не было, однако состояние войны с больше несуществующей Германией *de jure*¹⁸ – на основании отсутствия у Союзников мирных договоров с одной же – сохранялось еще долго. Даже уже после окончательного, официально признанного четвертования Германии в году 1948-м оно придерживалось в ФРГ западными союзниками до заключения Парижского договора в июле 1951-го года и Советами до заключения Московского договора в августе 1970-го года¹⁹!

Это и должен был быть первый урок по искусству демократии и правовой государственности, преподанный немцам единственным демократическим и правовым государством мира. Эта же научно-правовая метода была потом развита преподавателями демократии все дальше и преподается сегодня – при предпринимаемых ими посредством войн территориальных изменениях или изменениях режимов – уже по всему миру.

---

¹⁷ фактически

¹⁸ юридически (оба из юридической терминологии)

¹⁹ „Deutsche Geschichte. Staat, Gesellschaft und Kultur – von Anfängen bis zur Wiedervereinigung“. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh, 1990, S. 223-242 - „Die Ära Adenauer 1945-1963“ («Немецкая история. Государство, общество, культура – от истоков до воссоединения» стр. 223-242 – «Эра Аденауэра 1945-1963 г.г.»)

В общем и эти политически-правовые упражнения не имеют так же никакого смысла и не ведут человеческое понимание ни на шаг дальше, или же этот смысл и это человеческое понимание находятся где-то совсем в другом месте, где их могут найти только политики и заказанные ими ученые-юристы, но ни один другой, здраво и логически мыслящий человек! Эта констатация сама по себе не смогла бы ни тогда и не может сегодня помочь растерзанной совести немцев – особенно в той ситуации, когда многие другие в мире почти вовсе не проявляют совести по отношению к немцам, как будто бессовестный нацистский режим избавил и их всех от всяческой совести.

Основанная в 1948-м году «суверенная» Федеративная Республика Германия должна была все же терпеть этот так хорошо и обоснованно аннулированный американскими учеными статус оккупации вплоть до мая 1955-го года *de jure* и до вывода союзных войск в 1994-м году *de facto*. С вытребованным со стороны западных союзников у почти зашантажированных ими министров-президентов западных земель образованием ФРГ была, правда, потеряна ГДР для Германии, зато противоречие бриллиантового решения юристов – выгодная действительность несуществующего немецкого государства делала невыгодно недействительными возможные претензии существующих жертв геноцида – было, наконец, снова бриллиантно решено! Совершенно необходимый для этого правовой наследник Третьего Рейха, которому было, наконец, дозволено единолично платить все твердо определенные военные долги и никак неопределенные, но обязанные быть по каждому требованию незамедлительно выплаченными денежные компенсации жертвам геноцида, был, наконец, сотворен.

Этот урок права с его научно-политическими изобретениями поняли лучше всего Советы, для которых он, собственно, вовсе и не предназначался. Вследствие этого пленные немцы должны были – в нарушение всех до этого действующих и отныне отмененных американцами международных прав и законов войны – еще десять лет после окончания войны принудительно участвовать в построении коммунизма в СССР, в то время как немецкие колонисты России – уже пятнадцать лет после их осуждения как шпионов и диверсантов нацистской Германии – гробились в их концентрационных лагерях и зонах ссылки.

Только после переговоров между немецкими и советскими политическими коллегами осенью 1955-го года в Москве²⁰ и только благодаря исторически известной, проявленной на прощальном банкете способности канцлера Аденауэра и его свиты «пьянствовать», немецкие военнопленные получили право возвращения на их Родину. Заодно и семьи немецких колонистов – все еще подверженные репрессиям и геноциду – были приравнены в правах к военнопленным возвращенцам.

Последнее обстоятельство было, однако, признано лишь со стороны Федеративной Республики Германия. Пятикилометровая зона и обязанность еженедельно отмечаться в комендатуре были, правда, отменены Советской стороной, но заключение в зауральской зоне продолжало действовать дальше. Так что немногим выжившим членам этих семей немецких колонистов – вопреки выторгованному на «исторической пьянке» соглашению и в отличие от также немногих выживших военнопленных немцев – еще и в течение

---

²⁰ „Die deutsche Geschichte“ (in vier Bänden. Archiv Verlag, Braunschweig, 2001, Band 4: 1945-2000, S. 546 («Немецкая история» в четырех томах, том 4: 1945-2000, стр. 546) .

последующих десяти лет, а после начала войны уже двадцати пяти лет, было запрещено возвращаться не только в Германию, чтобы хотя бы посредством целования руки поблагодарить канцлера Аденауэра за выторгованные для них послабления, но и в места их бывшего проживания – в их бывшие колонии на Волге и на Юге Украины.

Но даже после этих лет и вплоть до Перестройки было это, во многих последующих политических договорах также давно официально закрепленное право немцев в СССР на их возвращение на германскую Родину сделано самим процессом оформления разрешения на выезд настолько тяжело реализуемым, что даже сама попытка воспользоваться этим правом превращалась для нескольких тысяч особо упрямых сорвиголов в многолетнюю авантюру и пытку.

*